

Дуня Еленская

Ящерица

Знойным выдалось лето первого года третьего тысячелетия в удивительном городе Москве. Неприятности одна за другой так и валялись на головы, как отдельных граждан, так и всей страны в целом.

Не секрет, что без мелких неприятностей жизнь пресна. Но крупные... избави нас, Боже!

В тот липкий и тягучий июльский полдень в большой комфортабельной квартире добротного дома, выстроенного для больших начальников, сделался неприличный переполох. Несколько часов назад хозяин квартиры, бывший видный советский генерал, один из столпов КГБ, собрался расстаться с номенклатурной жизнью, безответственно предоставив домочадцев ожидавшему их отнюдь не номенклатурному будущему.

Подобные служаки старой закалки имеют обыкновение жить в типичных для генералов условиях, предполагающих обширную, забитую вещами квартиру, обязательную пару прихлебателей и старческий маразм. Так принято. Не отличался оригинальностью и наш герой, Иванов Иван Иванович.

Лабиринты генеральской квартиры занимала

расставленная по ранжиру мебель времен сталинского монументализма, а темную глубину углов заполняли мрачные отсветы плотных темно-красных штор, обрамляющих окна и двери. Здесь соседствовали и активно взаимодействовали запахи сырости, нафталина, любимых сапог, а в последнее время все больше — лекарств. К ним примешивались разнообразные ароматы кухни, а также частые выхлопы самого хозяина. Все это жизненное многообразие стекалось в просторный коридор, превращенный сквозняками в подобие аэродинамической трубы, и клубилось таким бодрящим коктейлем, что всяк вошедший кривил рот в невольной гримасе, которая читалась хозяином как проявление участия к непростой судьбе руководящего работника грозного ведомства.

В круг незыблемых привычек генерала входила и святая вера в несокрушимость генеральной линии родной коммунистической партии и правильность устройства окружающего советского мира. Служить его безопасности приходилось не только щитом, но порой и мечом. Кто-то разбивался об этот щит, кого-то не пощадил и меч... Выполняя заветы Ильича, как соблюдает библейские заповеди истинно верующий, Иван Иванович являлся на ковер верховного пастыря, где перед ликом своего бога получал награды,

наказания или же индульгенцию за предстоящий крестовый поход.

Развал Союза он воспринял как личное оскорбление. С тех пор Иван Иванович вялотекуще хворал, редко выходил из дому, бывших же адъютантов и дальних родственников, в ассортименте роившихся в закоулках его многокомнатного жилища, тиранил мелочными придирками и гонял почем зря, пугая выражениями из телевизионной рекламы.

Отставной вояка искренне считал происходящие в стране перемены недолговечными, относя их к злым проискам мирового империализма. В каждой морщине лица этого вредного старикашки, отмеченного печатью ярого службиста, читались этапы большого пути страны, хозяином которой он мнил себя и поныне.

Строго соблюдая все формальности прохождения извилистых коридоров власти, наш герой смог в свое время приблизиться к самой главной кормушке той великой страны, которую сейчас уже, увы, не отыщешь на карте. Теперь же как персональный пенсионер пытался почивать — или почить? — на лаврах, невзирая на достигнутое на ниве борьбы за мировую безопасность. По утрам он неукоснительно просматривал все газеты, вечером не пропускал программу «Время». Он ревностно следил за политическими событиями,

язвительно озвучивая любые указы, решения и постановления чиновников всех уровней и сопровождая их отборной площадной бранью. Не всегда и не все находило эквивалент в армейском словаре Ивана Ивановича. Видимо, оставляя самые сокровенные выражения для более важных поводов, он мог неожиданно перейти на литературный язык, но звук его голоса при этом все равно оставался матерным.

В это утро он необычно долго кряхтел и ворочался в постели. Не встал генерал и к обеду: помешали зеленые кенгуру — они нагло прыгали по комнате, от крика трансформируясь в радужные мыльные пузыри. Иван Иванович мужественно отгонял их, отсылая к чьим-то матери, бабушке и дедушке, а также по другим известным ему адресам; но звери множились со страшной скоростью, уклоняясь от выполнения приказов. Постепенно пришельцы заполнили все пространство комнаты, беря в кольцо последний оплот сталинизма — кровать и подбираясь прямиком к жилистой генеральской шее. Одна довольно милая кенгурушная мадам умудрилась примоститься рядышком, напугав старика недвусмысленным предложением, подкрепленным щекотанием игривого коготка.

Тут уж генералу стало совсем невмоготу. Из последних сил он дотянулся до тумбочки и налил

себе рюмку водки из старых запасов, после чего неохотно согласился принять врача.

К приезду скорой помощи наглые сумчатые куда-то испарились, да и мыльные пузыри тоже, — и генерал обрел наконец необходимую ясность мысли. Тренированная интуиция подсказала понимание ситуации. Потому придирки врача касательно спиртного, острого, сладкого и прочих маленьких стариковских удовольствий, включая курение, стол и стул, а также поиски давления и пульса с озвучиванием латынью результатов осмотра, — то есть приличествующую случаю бесполезную болтовню, — Иван Иванович спокойно пропустил мимо ушей. Зорким взглядом пытался больной уловить не в звуках речи, но в глазах и мимике доктора, в шевелении его пухлых губ, в хитросплетении профессиональных жестов главное: правду.

Врач, усложнив ближайшие минуты существования больного организма редкостным импортным лекарством, в ожидании реакции расхаживал по комнате. Огромный, добродушный, округлый и лысый — вылитый беременный дирижабль, со взглядом, излучающим любовь к ближнему в виде искреннего пожелания побыстрее попасть в рай, он тяжело колыхался при каждом шаге и глубокомысленно вещал:

— За последнее время медицинская наука

сделала огромный шаг вперед. Наша задача — ее догнать!

Подопытный кисло отозвался:

— Доктор, мне что-нибудь может помочь?

Ласково поглаживая розовой упитанной ручкой высохшую руку старика, врач убаюкивающе проворковал:

— Не буду кривить душой в такой торжественно-печальный момент. Современная медицина бессильна перед смертью; она в состоянии лишь подготовить нас к ней.

Старик прищурился, пристально глянул в круглые глаза эскулапа:

— Сколько мне осталось?

Тот, скромно потупившись, украдкой покосился на часы:

— У вас, батенька, еще вагон времени, но с вызовом священника я бы тянуть не стал.

Убедившись, что правильно сориентировался в ситуации, умирающий генерал резким движением отстранил врача и скомандовал:

— Я хочу видеть сына!

Вокруг засуетились, забегали, зашептались, зашуршали подошвами... Что-то упало и покатилося, дребезжа, кто-то куда-то нервно названивал. На фоне общего переполоха в квартиру неожиданно начали стекаться специалисты самого разного профиля. Первым явился вызванный год

назад водопроводчик. За ним почему-то телефонист — срочно чинить абсолютно исправный телефон. Следом бежала медсестричка с набором шприцов и черным мешком для трупов... Конца нашествию не предвиделось.

Вся эта кипучая деятельность, резкие звонки, хлопанье дверей, беготня и громкое шушуканье в подъезде оторвали от просмотра любимого мексиканского телесериала бдительную соседку генерала, достопочтенную Маневриду Антоновну Семипузо, в простонародье — бабу Маню. Это было вдвойне обидно, поскольку дон Педро только-только попытался обнять донью Хуаниту, которую он пригласил на сеновал триста шестьдесят три серии назад...

Но оставаться у телевизора в такой обстановке не было никакой возможности. Баба Маня не привыкла быть в стороне от событий, тем более что политических взглядов она придерживалась воинственно-либеральных, а с соседом вела затянувшуюся позиционную войну. Истоки конфликта уходили корнями в далекую молодость, в которой бабы Манин кот Барсик, прямой предок ныне здравствующего Сеньки (такого же, между нами говоря, обормота), испортил парадный мундир красавца лейтенанта Иванова, справедливо приревновав соседа к своей хозяйке. На предложение избавиться от подлого котяры юная

Маневрида ответила гордым отказом, в результате чего осталась старой девой. А пробивной лейтенант женился на ее соседке, дочери широко известного в некоторых узких кругах советского дипломата.

В результате карьера перебежчика, как и следовало ожидать, сложилась более чем удачно. Коты же гражданки Семипузо из поколения в поколение, сменяя друг друга, вот уже полвека мстили за уязвленную гордость хозяйки. Они упорно посещали соседский балкон и оставляли там качественные и вонючие следы своего пребывания.

Жаловаться на это безобразие Иванов считал ниже своего достоинства. Он завел обыкновение держать сторожевых псин. В любое время года и суток сторожа маялись на балконе и подвывали от скуки. Но от кошачьего беспредела почему-то не спасали и службу свою несли преотвратно, несмотря на старания привлеченных к их обучению ведущих знатоков собачьих премудростей.

Баба Маня собак не жаловала и бывшего жениха за глаза ехидно именовала бультерьером; тем не менее, уловив необычный шум за стенкой, немедленно сделала стойку, как легавая, взявшая след. Она решительно оторвала взгляд от голубого экрана и прикрутила звук. Слух ее обострился до чрезвычайности. Инстинкт матерой обитательницы ведомственного эдема подсказывал: происходит что-то очень важное.

В суматохе, сменившейся томительным ожиданием, прошел час... Наконец-то примчался сын генерала, как вы уже, наверное, догадались — тоже Иван Иванович, генерал ФСБ, внешности такой же заурядной, но молодой и подтянутый. От отца он унаследовал упорство и целеустремленность, от деда-дипломата — житейскую ловкость, то есть очень полезное во все времена качество выходить сухим из любой ситуации.

Воспитанный в лучших династических традициях — суворовское училище, затем военная академия, — отца он видел мало и относился к нему вполне терпимо. Правда, во всех жизненных перипетиях его преследовала тень отца: окружающие привычно злословили, что он добился всего благодаря папаше. Сам же младший Иванов полагал, что заслуживает большего, чем положение благополучного наследника фамилии, и отец-генерал — помеха его служебному росту. Карьеру он сделал почти самостоятельно: поколесил по дальним военным частям, да и горячие точки видел не только на карте, в результате чего приобрел боевые награды, парочку несерьезных ранений и большие амбиции.

Ни ростом, ни наружностью младший Иванов не выделялся из толпы; повстречав даже несколько раз, запомнить его было практически невозможно.

Цвет волос и глаз — линиялый, телосложение средненькое. Никаких примет, никаких зацепок. Природная способность к мимикрии приходилась весьма кстати в его служебных занятиях. Он умел естественно растворяться в любой компании, виртуозно вживаясь в ту роль, которой требовал момент.

Текущий момент явно требовал решительности...

Иван Иванович энергичной походкой вошел в спальню отца, и мгновенно притихшая толпа прихлебателей раздалась, выплеснулась в стороны, словно лужа, по которой прошелся средний танк. А старик, лежащий на скорбном одре при всех регалиях, все еще грозный, в кителе с большими погонами, поднял голову и, из последних сил сверкнув глазами, пронзительно пискнул:

— Пошли все вон!!!

Любопытных выдуло из комнаты. По пути они чуть не смяли доктора, утратившего позиции в общей суматохе. Медицинское светило благоразумно влипло в стенку, пропуская это неорганизованное стадо; после, опомнившись, деловито отряхнулось, расправило плечи, приосанилось с чувством выполненного долга и со словами: «Я пошел умыть руки» — растворилось в дебрях генеральской квартиры.

Тем временем в упомянутых дебрях создалась

обстановка, приближенная к боевой.

Водопроводчик Коля, запершись в санузле, уже закончил монтаж суперсовременного прослушивающего оборудования и, надев наушники, притих на унитазе. Понятно, что Коля на самом деле был совсем не Колей. Звали его Клаус, позывной «Прокладка», внедрен вездесущим ЦРУ в жэк № 511 «бис» еще в светлые годы холодной войны. Вынуждаемый легендой косить под советского сантехника, он со временем так натурализовался, что пил денатурат не морщась, и с трудом доживал до обеда без опохмелки. В такие часы он даже сильно сомневался в существовании другой реальности под названием родные Соединенные Штаты, но по привычке отправлял все собранные сведения по указанным ему адресам.

Телефонист Миша методично, в восемнадцатый раз, как автомат на тренировке, разбирал и собирал телефон в кухне. Он тоже давно был готов к работе, то есть к тайной записи последних слов умирающего, — и теперь тянул как мог, про себя витиевато поминая вялое развитие событий. В далеком прошлом Миша, будучи студентом университета имени Патриса Лумумбы, откликался на имя Махмуд, он же Штепсель — сотрудник разведки одной из заинтересованных стран арабского мира.

Медсестра Катя, скромно поправив

выбившийся из-под шапочки локон, открыла переносной стерилизатор с инструментами, готовая прийти на помощь умирающему в любую минуту и в любом контексте. Вмонтированная в крышку прибора сверхчувствительная аппаратура работала безупречно, на пробу легко улавливая и передавая писк комара за окном. Катя, она же Игла, она же Роза Розенблюм, сотрудничала с «Моссадом» недавно, но работе отдавалась с юной неистовостью.

А за стенкой, боясь пропустить самое интересное, застыла баба Маня, истомившаяся в ожидании развязки. Брошенная папироса вяло догорала в мундштуке. Красавица Хуанита на экране что-то беззвучно лепетала, но дон Педро, казалось, тоже прислушивался к происходящему в квартире. А бдительная гражданка Семипузо, так близко к сердцу принявшая горе соседей, беззвучно чертыхалась, поминутно отводя от уха непослушные бигуди. Элементарные бытовые навыки старой девы не требовали специальной аппаратуры. Ухо, плотно прижатое к пустой стеклянной банке, приставленной донышком к стене, покраснело от напряжения.

Казалось, весь мир в этот момент настроил передатчики, вывел на орбиту спутники, запустил пленки в магнитофонах, — вся мыслимая и неммыслимая техника приготовилась ловить

последние слова отставного генерала.

Старик потянулся к сыну и дрожащими губами быстро-быстро зашептал:

— Я должен сообщить тебе важную государственную тайну...

Сын, не ожидавший серьезных откровений, снисходительно сделал участливое лицо и придвинулся поближе. Губы Иванова-старшего судорожно шевелились:

— По моему отделу в конце сороковых проходил один очень интересный случай. Пленный немецкий морской офицер сознался, что на его корабле спрятан шифр от сейфа в швейцарском банке, где хранится золото рейха. Больше ничего сообщить он не успел — наши с ним слегка перестарались... Этот корабль достался нам по контрибуции. Я много лет пытался найти шифр, но не смог... Я лично излазил треклятую посудину вдоль и поперек...

Умиряющего стал душить кашель, он задыхался, тщедушное тело содрогалось в конвульсиях. Спутники, передатчики, сверхчувствительные наушники и стеклянная банка транслировали громкий треск. Агенты стоически терпели, морщились, но продолжали слушать.

— Папа, как называется корабль?! — заволновался сын.

Он тряс уходящего в небытие папашу,

настойчиво пытаюсь привести его в сознание. Но старый генерал не желал возвращаться к жизни, а совсем наоборот — закатил глаза и откинулся на подушку...

Потеряв самообладание, Иванов младший заорал:

— А-а-а-а-а, сделайте что-нибудь!!!

В комнату вкатился врач и попытался нащупать пульс умирающего, потом внимательно посмотрел на часы и глубокомысленно изрек:

— Все идет по плану...

— А что у нас сейчас по плану? — поинтересовался неутешный сын.

— Агония, — эхом отозвался врач.

— Надо остановить! — тоном, не терпящим возражений, распорядился Иванов.

— Это не ко мне. Это туда...

Меланхолический жест в сторону потолка увял, не произведя должного впечатления. Змеиный, завораживающий начальственный взгляд вонзился в переносицу самонадеянного лекаря, от чего тот осекся, мгновенно потерял вальяжность, тут же осознав, что если ничего не сделает — вполне вероятно, это будет последний пациент в его практике. Холеная рука поникла и сама собой потянулась к шприцам... Ссылка на небесную канцелярию не прошла. Взволнованный врач срочно приступил к реанимации.

Сознание вернулось в безжизненное тело только на мгновение.

— «Ангара»... — прошелестел старик и благополучно сыграл в ящик.

Зрители и слушатели непроизвольно выдохнули. Зловеще качнулись тяжелые шторы, — то ли от этого дуновения, то ли кот Сенька решил последний раз отметить их своим вниманием. Специалисты разного профиля покинули свои насиженные посты и присоединились к домочадцам, застывшим в почетном карауле у дверей генеральской спальни. Баба Маня... впрочем, к ней мы вернемся попозже.

Иван Иванович прошел сквозь строй стремительной походкой, бросив врачу:

— Оформите все бумаги!..

И отбыл, унося на полах одежды три микроскопических жучка.

А в это время в другом конце огромного города происходили совершенно иные события. В некоем номерном НИИ по истертой лестнице споро поднимался на свой этаж молодой поджарый профессор Пульвер: поскольку лифт уже четвертый год находился в состоянии перманентного ремонта, сотрудники института успели приобрести хорошую спортивную форму.

Ни один уважающий себя автор детектива не

обходится без полусумасшедшего до гениальности профессора, втянутого в события какими-нибудь продувными бестиями, по рассеянности путающего явки, пароли и неизбежно заваливающего все преступные планы. Не обойдемся и мы.

Наш профессор, конечно же, спешил в совершенно секретную лабораторию, плотно уставленную банками с порошками, склянками с растворами, загадочного вида аппаратами с проводками, штативами со змеевиками и колбами разнообразнейшей конфигурации — в общем, всем, чем положено быть наштигованной приличной современной лаборатории, занимающейся непонятно чем и с какой целью.

Происходил наш ученый гений из Одессы. Здесь в пестром сообществе Молдаванки, в семье биндюжника Цалика Пульвера, к зрелым годам неведомыми путями выбившегося в Цалии Иосифовичи — скромные директора овощной базы, нежданно-негаданно появился на свет тихий, интеллигентного вида мальчик. Может, в этом виновата была его мама Роза, происходившая из семьи потомственных ювелиров, — все-таки профессия не шумная. А может, сыграл свою роль преклонный возраст папаша, который жениться надумал только разменяв полтинник. До этого момента родитель, не пропускавший ни одной возможности заработать и ни одной окрестной

юбки, вел сомнительный образ жизни, пользуясь всеми прелестями и выгодами обитания в Южной Пальмире.

Счастливый папаша ожидал увидеть в первенце лучшие стороны своей жизнерадостной натуры. Но потомственный биндюжник родился не похожим на цепкого, орущего день и ночь еврейского младенца. Арончик выглядел худосочным, но безмятежным, и все время блаженно улыбался. Мама Роза в нем души не чаяла и все сдувала несуществующие пылинки с его курчавой головки. Отец же никак не мог примириться с тем, что сын растет какой-то неправильный: не мотается с пацанами по улицам, не лазает по свалкам и катакомбам в поисках старого оружия, не пропадает целыми днями на причале... Наконец, даже бычков не ловит! — а только читает и читает толстые книги.

Поскольку детей в семье больше не получилось, на слабые плечики Арона были возложены далеко идущие планы. Мама трепетно готовила ему рыбу-фиш, гусиные шейки и куриные грудки, которыми принудительно пичкала любимое чадо по четыре раза в день, — но, видно, не в коня корм. Сын рос настолько худющим, что людям в глаза смотреть было стыдно: еще подумают, что в их семье детей не кормят! Отец, в свою очередь, пытался приохотить отпрыска к мужским в его

понимании занятиям: спорту, морю, веселому времяпровождению, — то есть безрезультатно дарил по нарастающей мячи, удочки, велосипед, моторную лодку, дефицитный магнитофон и кассеты с вредоносными иностранными записями...

Арон быстро привык относиться стоически и к маминым обедам из восьми блюд, и к таким же обременительным отцовым подаркам. Самые лакомые кусочки он припрятывал для дворовых собак, мячи и удочки спокойно пылились под кроватью. Когда все мысли заняты красивыми формулами и интереснейшими вычислениями, — какие могут быть лодки?! На такие мелочи в голове просто места не остается!

— Что с него будет? Он чистый шлимазл! — сокрушался разочарованный родитель за ужином, крупно подрагивая пузом и всеми фибрами души. — Он не делает ничего, что положено нормальному ребенку в его возрасте!

— Мальчик уверенно идет на золотую медаль! — стойко защищала сына Роза. — Что ты еще от него хочешь?

— А-а, этой медалью сыт не будешь! У парня мозги набекрень! Кому я передам дело? Кому расскажу за схемы работы? — цедил овощной авторитет сквозь золотые зубы.

— Он собрался поступать в МГУ! Неужели у нас не хватит денег, чтобы поступить сына туда,

куда ему хочется? Как можно вообще что-либо жалеть для своего ребенка?! — пожимала в ответ роскошными плечами жена.

— Видал я этих доцентов: от получки до получки с голой задницей! Если он такой расталантливый — нехай сам поступает, я на это дело ни копейки не дам! — вскипал глава семьи и бегал по кухне...

Обманутый в лучших ожиданиях папаша оказался крепким на слово: он категорически отказался выдать сыну деньги даже на билет до Москвы. Конечно же, втайне Цалий Иосифович до последнего дня надеялся, что Арон передумает. Ну какой, спрашивается, разумный человек отказывается от гарантированной карьеры на советской овощебазе? И надо же, чтобы собственный сын оказался таким, прости Господи, дураком! Правда, после долгих и трудных семейных переговоров пришлось-таки сдать позиции. Цалий Иосифович и сам не знал, что его сильнее поразило: проклятия жены, которые слышны были не только по всей Молдаванке, а, наверное, и на Пересыпи, или спокойная реплика сына, что если в деньгах ему будет отказано — он поедет автостопом.

В первый раз этот рохля посмел возразить отцу! Это было как гром среди ясного неба. Представив себе грязного, голодного сына с

картонкой на груди «На Москву», Цалий Иосифович ужаснулся. Этого он допустить никак не мог. Не хватало еще, чтобы его единственного ребенка где-нибудь арестовали как какого-то задрипанного хиппи! Скрипя новыми зубными протезами, он выдал Арону сто рублей и, закрывшись на кухне, выпил с горя бутылку беленькой, как какой-нибудь загулявший биндюжник.

Провожать Пульвера-младшего Роза пошла одна. Объемистые сумки с консервацией едва удалось затолкать под узкую полку. Поезд давно ушел, а Роза все смотрела ему вслед... Она гордилась бесчисленными победами своего «шлимазла» на школьных олимпиадах и свято верила, что с такой золотой головой он пробьется в люди, как и его удачливый отец. Конечно, быть пристроенным под боком у папочки на тепленьком месте — куда спокойней; но если мальчика так тянет в науку — пусть таки попробует! Даст Бог, у него ничего не получится, — так он всегда сможет вернуться домой. Никуда та овощебаза не убежит.

Все годы учебы Арон исправно получал из дому коробки с фруктами, импортные пиджаки и ботинки, мятые конверты с пятидесятирублевками. Он понимал, как тяжело матери вытягивать эти деньги из отца, и писал домой, что ничего не нужно, что его повышенной стипендии вполне

хватает на жизнь. Но Роза тоже не первый год жила на свете. После каждого письма, прикупив у знакомых моряков шмотки получше, она искала оказию для очередной передачи в Москву. Пользоваться почтой казалось ей верхом идиотизма: фрукты погниют, вещи повернут. «Опять мечешься? Чем меньше ему там будет чего пожрать, тем быстрее домой запросится», — поговаривал Цалий Иосифович, закрывая глаза на очередные сборы. И старался урезать семейный бюджет, понимая, что львиная доля его тратится на Привозе вовсе не на домашнее хозяйство.

Когда Арон получил красный диплом и приглашение в аспирантуру, Цалий Иосифович впервые в жизни ушел в запой на три дня. Соседи с уважением говорили, что от радости. И только Роза понимала тайную скорбь отца будущего научного светила. Он никак не мог смириться с тем, что сын отдаляется от него все больше, все невозвратимее.

Защиту кандидатской старший Пульвер отметил недельным загулом; на него страшно было глянуть.

После защиты докторской заблудший сын впервые разочек изменил науке: он решил жениться. Истерзавшийся старший Пульвер неожиданно сменил гнев на милость, и родители приехали в Москву повидаться — тем более что возраст главы семейства назревал весьма

преклонный. Походив по очень изменившейся столице теперь уже соседнего государства, понаблюдав столичную круговерть, шикарные рестораны и сияющего сына, отошедший от дел, но не утративший былого жизнелюбия провинциальный овощной директор признал, что, наверное, таки да — насчет науки его сын был где-то прав. Даже невестка, несмотря на то, что была русской без малейшей примеси одесских кровей, понравилась — сын явно попал в хорошие руки, и можно было позволить себе примириться с действительностью.

Умиротворившись и обнадежившись, Цалий Иосифович купил на все оставшиеся от должности сбережения молодому бесштанному доктору каких-то там наук квартиру в Москве, гульнул по-одесски на свадьбе и отбыл домой — спокойно стареть дальше.

Дома счастливая Роза повесила фотографию молодоженов над кроватью и молилась на нее, как на икону. Муж над ней подтрунивал, но фотографию со стены не убирал и очень ждал внуков. Может, хоть у этой москвички что-то путное получится, и тогда будет кому передать дело — не унимался он. Больше заняться было нечем; родная овощебаза, вовремя приватизированная на имя племянника, по-прежнему поставляла дивиденды исправно, и работа приобрела вполне

цивилизованный, то есть легализованный вид. Вагоны со щедрыми дарами южной природы уверенно скользили накатанными еще с советских времен маршрутами к тем же близким сердцу городам и весям, только переименованным теперь в ближнее зарубежье. Голодная старость Пульверам не грозила; но старика как главного пайщика не покидала надежда передать брызжущее удачей акционерное общество «Большой Фонтан» если не сыну, то хотя бы внуку. На сына надежды больше не было.

Из младшего Пульвера получился типичный представитель вымирающего вида гениев не от мира сего, для которых наука всегда превыше личных интересов. Его долговязое худущее тело автоматически перемещалось в нужном направлении, а курчавая голова, заполненная сложными проектами и фантастическими идеями, существовала сама по себе и не принимала участия в жизненном процессе.

Издали профессор походил на спешащую цаплю: так же методично вскидывал при ходьбе длиннющие ноги с острыми коленками, слегка горбился, склоняя голову набок и вглядываясь в несуществующую добычу под ногами, и беспомощно растопыривал руки, словно это были подрезанные крылья.

Одет профессор бывал, как правило,

несуразно, в быту отличаясь абсолютной рассеянностью, и постоянно демонстрировал непригодность к решению практических задач. Непонятно, как ему удавалось воплощать на практике свои необыкновенные открытия, да еще и находить им применение. Видимо, ангелу-хранителю Пульвера приходилось очень стараться. Многие из задуманного у профессора получалось, хотя его и угораздило по чисто интеллигентской близорукости попасть в лабораторию весьма сомнительного плана. А может, срабатывала отцовская удачливость? Кто знает...

В капиталистическом мире подобный прирожденный талант давно бы стал миллионером; у нас же приходилось радоваться возможности просто работать и заниматься любимым делом. И когда несколько месяцев назад Пульвер был вызван во внушающий трепет простому смертному кабинет и там вежливо и дотошно расспрошен о последних достижениях, после чего ему почему-то настоятельно «порекомендовали» отдохнуть, предоставив для этого отдельную виллу на южном побережье Франции, — он долго не мог прийти в себя. Но в себе или не в себе — а если начальство командует «отдохните»... сразу становится как-то неудобно продолжать работать. Задумываться о том, что может обозначать такой неожиданный

интерес к его разработкам, профессору было недосуг.

На Лазурном берегу он томился от безделья, отчаянно скучал по своей лаборатории и вскоре передал по команде, что задумал несколько совершенно новых, очень необычных и перспективных проектов. Ему пообещали, что допустят к осуществлению... в самом ближайшем будущем. Пока же непрошенный отдых затягивался; домой Пульвера отпускали только наездами — выполнять дурацкие с его точки зрения поручения высшего руководства. Вот и сейчас сверху не предполагающим отговорок порядком спустили маленькую просьбу немедленно взять в Москве одну из своих разработок, — один такой порошок, — разложить его почему-то по аэрофлотовским пакетикам с надписями «Соль», «Сахар», «Перец» и обратным рейсом срочно вылететь во Францию.

В это утро небо Пульверу показалось пасмурным, и он решил натянуть на себя костюм, но по обыкновению не глядя взял пиджак и брюки из разных пар. Приталенный темно-бордовой шерсти пиджак и широкие светлые штаны в клеточку у людей, знакомых с привычками профессора, могли бы еще пройти незамеченными — тем более что «модник» явился на денек из Европы. Но в такую жару, да еще в ансамбле с

желтой рубашкой, широким галстуком в драконах и лакированными вечерними туфлями, этот прикид производил на встречаемых сотрудников ошеломляющее впечатление: пожар в джунглях...

Пульверу было жарко, но снять пиджак он не догадывался, а только мечтал поскорее закончить неприятное дело. Ему претила всякая конспирация — он не хотел понимать, зачем это надобно. Даже в мыслях он до сих пор не нарушил ни единого закона. Конечно, профессор догадывался о возможностях организации, к которой был приписан безобидный с виду НИИ. Но это никак не мотивировало использование именно его, ученого, в делах для его должности не характерных. Вот сейчас получил профессор дурацкое задание: вывезти за границу свой драгоценный новый препарат. И не просто, а секретно, тщательно упаковав его в маленькие пакетики, которые обычно раздают в самолете. Вздыхая и пошмыгивая от недоумения грушевидным носом, Пульвер собрал по крупинкам содержимое из специальной камеры. Драгоценного порошка едва хватило на пакетик с «солью». В остальные Арон преспокойно насыпал тертого мела.

С огромным сожалением еще раз оглядев лабораторию скорбными глазами распинаемого мученика, профессор стянул нарукавники и ласково, будто милое домашнее животное,

погладил рабочий стол, разбив при этом парочку колб, но даже не услышал звона стекла. Ему так не хотелось никуда улетать!..

Правда, примиряла с неизбежным отъездом мысль о жене, которой затянувшийся отдых во Франции как раз пришелся по вкусу, и которая сейчас терпеливо ожидала его возвращения там, на вилле.

Остаться бы в Москве и по возможности вообще не выходить из своего института... Но кто-то, кому известен был смысл происходящего, уже безапелляционно решил его судьбу. Бунтарствовать в таком положении не приходилось — оставалось только смиренно следовать указаниям свыше. Пошли его начальство к воюющим племенам Центральной Африки или к белым медведям на льдину, он, не сказав ни слова, отправился бы и туда. Вот только жена... Наверняка она безропотно последовала бы за ним... но лучше все-таки Франция, чем льдина, так что в любом положении есть свои плюсы.

От мысли о жене на душе у профессора потеплело, и он заторопился к выходу. Возле солидной металлической двери лаборатории, снабженной сигнализацией, пришлось слегка подзадержаться. Втянув голову в плечи, гений теоретической мысли выдержал всегдашнее единоборство с механизмом замка. Обычно на эту

операцию уходило до двадцати попыток, не меньше пяти из них сопровождалось срабатыванием сирены. Дебелые институтские охранники уж сколько раз предупреждали профессора, что невзирая на высокие ученые степени подрихтуют ему физиономию за напрасную беготню по ложному вызову. А поскольку при охранниках по инструкции запереть лабораторию никак нельзя было, — их приходилось каждый раз отпускать и приниматься за сложное дело снова. На этот раз удалось справиться с проклятой дверью с третьей попытки, чему профессор несказанно обрадовался. Решив, что день удался, и фальшиво напевая под нос «Арлекино», он спустился вниз. На вертушке изнывающие от зноя и скуки дежурные весело ослабились ему вслед, показывая друг другу пальцами на пульверовский костюм.

Прежде чем последовать за нашим неугомонным профессором, который, ностальгируя, летит к любимой жене, вернемся ненадолго к началу и посмотрим, чем заняты остальные участники событий.

Итак, баба Маня, оторвав наконец натруженное ухо от банки из под айвового варенья, меланхолично докурила папиросу и уселась накручивать телефон. Звонила она не любопытным подружкам, а — кто бы мог подумать — лично